

Структура общенародного языка в концепции Я. К. Грота¹

Общелингвистическая концепция Я. К. Грота детально не анализировалась, см. библиографию в: [Булахов: 89]. В список теоретиков языкознания XIX века Грота не включали [Виноградов; Звегинцев; Хрестоматия]. В сложившейся традиции Я. К. Грот — это фонетист, исследователь грамматики, историк литературного языка, этимолог, лексиколог и лексикограф, теоретик правописания, историк литературы, переводчик и педагог. Но именно энциклопедизм Грота, проявившийся при изучении им разных сторон языка и разных языков, во-первых, предполагает обязательность наличия у него общелингвистической концепции, во-вторых, позволяет выявить содержание его лингвистической концепции, в частности, его мыслей о структуре и составных элементах общенародного языка, характеристике разновидностей языка и взаимоотношениях этих разновидностей.

Одним из обязательных общетеоретических вопросов, который активно обсуждается в связи с обращением к живому языку народа, к разговорной речи, становится вопрос о структуре и составных элементах общенародного языка, характеристике разновидностей языка и взаимоотношениях этих разновидностей. Ср., например: «... история русского языка представляется связью нескольких историй отдельных, и две главные из них — история языка простонародного и история языка книжного, литературного. ... и так как жизнь языка в книге возможна только потому, что есть и была жизнь языка в народе, то историю народного языка он должен изучить прежде и даже более, чем историю книжного» [Срезневский: 38]; «живой народный язык, собравший в жизненной свежести дух, который придает языку стойкость, силу, ясность, целость и красоту, должен послужить источником и сокровищницей, для развития образованной русской речи, взамен нынешнего языка нашего, каженика» [Даль: XIV].

Термины *народный язык* и *литературный язык* (*письменная речь*) как названия противопоставленных языковых феноменов мы встречаем уже в названии первого раздела «Филологических разысканий Я. Грота» (1-е издание — 1873 г.; 2-е издание — 1876 г.), подготовленных к печати самим автором. Именно с обсуждения содержания терминов, относящихся к структуре общенародного языка и его составным элементам, мы и обратимся в наших заметках. Вопрос о структуре общенародного языка — это проблема общего языкознания.

Первое, что бросается в глаза, это синонимия названий одного и того же явления (*литературный язык* — *письменная речь* — *образованный язык*), что объясняется и отсутствием одного, общепризнанного термина и

¹ Исследование выполнено при поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации (соглашение 14.В37.21.0457).

желанием Я. К. Грота учесть разные характеристики того или иного лингвистического феномена.

Начальная статья «Филологических разысканий» посвящена разбору «Толкового словаря живого великорусского языка» В. И. Даля. На основании этого разбора в 1870 году В. И. Дально была присуждена Ломоносовская премия, но аналитическая статья Я. К. Грота не была панегириком, его разбор — обстоятельный, критичный, но и доброжелательный отзыв. Рецензент начинает с оценки основных положений лингвистической концепции знаменитого собирателя слов: 1) состав общенародного языка, 2) место в нем литературного языка, 3) отношение между народною речью и образованною речью; 4) роль и место разговорного (народного) языка в составе общенародного.

Прежде всего, в тексте обзора зафиксирован термин для именования основного изучаемого объекта — это **родной общеупотребительный язык**: «свобода заимствований должна иметь свои разумные пределы, особенно должна она ограничиваться уважением к духу *родного языка*» [Грот 1876в: 17]; «вообще исключительно местные, хотя бы и русские, названия предметов, которые не могут иметь применения в *общеупотребительном языке* и потому не отвечают главной идее Даля, должны бы оставаться достоянием областных словарей» [Грот 1876в: 29]. Общеупотребительный язык, по мнению Грота, — это весь запас великорусского языка: «он (словарь Даля — Г. С.) должен был обнять весь запас великорусского языка, как он является в устной речи, в литературных произведениях и отчасти даже в памятниках древней письменности» [Грот 1876в: 26–27]. А вот цитата, где родной язык называется метонимически *родное слово*: «Карамзин... удержал... все то, что было согласно с духом родного слова» [Грот 1876в: 4].

Далее отметим словосочетания *область языка* и *сфера языка*, употребленные Гротом для именования разновидностей языка с учетом сферы их употребления: «Одним только источником литературной речи мало воспользовался Карамзин — языком народным... он с некоторым пренебрежением смотрел на эту *область языка* и считал простонародные слова низкими [Грот 1876в: 5]; «ещё более простора народному языку в письменной речи стал давать Крылов. О его раннем знакомстве с этой *сферой языка* разительно свидетельствует его юношеское произведение... — комическая опера Кофейница» [Грот 1876в: 6]. Статус и свойства *сферы языка* Грот толкует подробно, и это похоже на определение функционального стиля: «у каждой сферы языка есть свой характер, свой тон, который поддерживается не только целым составом речи, оборотами, но и отдельными словами. Поэтому переносить слова из одной сферы в другую не всегда удобно» [Грот 1876в: 20]. Для доказательства этой идеи в цитируемой работе сравнивается семантический и синтагматический потенциал следующих пар слов: *плясать* — *танцевать*, *спасибо* — *мерси* и делается вывод: «не всегда взаимозаменяемы». Оцениваются также новые для того времени слова *чугунка* и *деятель*.

В другом месте находим мы у Грота указание на уровни языка и разъяснение содержания этих лингвистических понятий: «язык вообще пред-

ставляет две стороны — *синтаксическую* (строй речи) и *лексическую* (состав и формы языка)» [Грот 1876а: 100].

Надо иметь в виду, что некоторые термины и определения Грот повторяет за Далем — автором рецензируемого им труда: так, противопоставление живого народного языка и литературной письменной речи есть и в лингвистической концепции Даля. Соотношение основных разновидностей общенародного языка В. И. Даль и Я. К. Грот понимают как некое оппозиционное противопоставление. В тексте обзора эти оппозиции описаны Гротом более пространно, а сам перечень наименований продолжен.

Далее рассмотрим подробнее каждое из предлагаемых Гротом наименований той или иной разновидности общенародного языка. Приведем полный набор наименований для народного языка и для языка литературного: 1) народный язык — народная речь, разговорный язык, живой язык, устная речь, великорусские наречия — областные наречия; использовано также 7 наименований; 2) литературный язык — литературная речь; письменный язык — письменная речь, книжная речь, образованный язык — образованная речь, использовано тоже 7 наименований.

Пафос работы Даля, а также и рецензии Грота — в углубленной оценке народного языка как источника развития общенародного языка, в том числе и литературной его разновидности.

Народный язык — это частотный термин: «Одним только источником литературной речи мало воспользовался Карамзин — языком народным [Грот 1876в: 5]. Понятие *народный язык* для Грота — в одних случаях это общенародный язык, т. е. язык национальный: «Даль убедился, что за исключением не слишком большого числа местных слов на всем обширном пространстве, где обитает великорусское племя, господствует собственно, несмотря на частные видоизменения, один и тот же народный язык» [Грот 1876в: 27]. Далее следует известная ссылка на Ломоносова и делается следующий вывод: «Единство русского народного языка дает ему еще более права на наше внимание» [Там же]. Но ср. другое высказывание, где уточняется, что народный язык — это только разговорный общерусский язык: «некоторые всем известные и даже общеупотребительные слова народного языка не всегда пригодны в речи образованного класса» [Там же]. В качестве примера приводится общеизвестное *плясать* в сравнении с иноязычным синонимом *танцевать* [Там же].

Народный язык характеризуется и в обзоре Грота «Областные словари», посвященном изданию «Опыта областного великорусского словаря» (1852) и «Дополнения к Опыту...» (1858). Причем для более глубокого осмысления данного издания Грот обращается вначале к трудам немецких лексикографов и делает сравнительный анализ трудов немецких лексикографов и работы II-го отделения Академии наук. Ср. высказывание Грота о *народном языке* из этого обзора: «У нас на всем огромном пространстве, занимаемом великороссами, слышится один и тот же народный язык, и отличия его в отдельных местностях ограничиваются, вообще говоря, либо оттенками выговора, либо частностями в грамматическом и лексическом отношениях» [Грот 1876б: 144].

Народная речь: «Кантемир знал цену народной речи и умел ею пользоваться» [Грот 1876в: 5].

Разговорный язык: Карамзин... удержал... все то, что было согласно с духом родного слова, стал писать очищенным разговорным языком [Грот 1876в: 4].

Живой язык (это термин Даля, ср. «Толковый словарь живого великорусского языка»): «Словарь одного живого языка в сущности невозможен, ибо многое современное находит объяснение только в прошлом...»; «живой язык вообще составлял главную задачу нашего лексикографа. Из этой области русского языка он вносил «слова, речи и обороты всех концов Великой Руси» [Грот 1876в: 26–27].

Устная речь: «он должен был обнять весь запас великорусского языка, как он является в устной речи, в литературных произведениях и отчасти даже в памятниках древней письменности» [Грот 1876в: 26–27].

Словарь Даля вдохновил рецензента на одно краткое, но очень перспективное замечание: «Так в 80-х годах прошлого столетия рядом с *языком славяноманов* образовался в противоположность ему *французский штиль*» [Грот 1876в: 3]. Упоминание этих разновидностей симптоматично, это одна из немногих к тому времени попыток описать социальные разновидности языка.

Наконец, приведем характеристику народной речи указанием на другие ее свойства, зафиксированные в обзоре Грота «Областные словари».

Великорусские наречия: «При обширности, с одной стороны, плана, обнимающего все великорусские наречия, а с другой — непомерного пространства, в пределах которого они живут в устах народа, Отделению предлежал труд огромный» [Грот 1876б: 142].

Областные наречия: «Областные наречия служат к пояснению старинных памятников языка, представляя слова, хранящиеся в этих письменных памятниках, но исчезнувшие из образованной речи» [Грот 1876б: 144].

Наименования *великорусские наречия* — *областные наречия* используются в цитируемой работе Я. К. Грота как синонимы.

Здесь же отметим высказывание, чрезвычайно важное с точки зрения классификации лексики по месту распространения: *слово областное* — *слово народное* — *слово общеупотребительное*: «слова, входящие в состав Словаря, разделяются, по-видимому, на 3 категории: 1) слова, принадлежащие действительно одной только или несколькими местностями — слова областные; 2) слова, употребляемые великорусскими простолюдинами по всему или почти по всему пространству России — слова народные, и 3) слова, не чуждые даже и языку образованных сословий великороссиян — слова общеупотребительные» [Грот 1876б: 144]. Об областных словах см. еще подробнее: «как должно смотреть с точки зрения европейской науки на предприятие 2-го отделения Академии наук собрать все областные слова великорусского языка» [Грот 1876б: 142]; «Областные слова дополняют и поясняют общеупотребительные, указывая часто их корень, состав или первоначальное значение» [Грот 1876б: 144].

Рецензия на словарь Даля посвящена характеристике народного языка, термины *литературный язык* — *литературная речь* и их синонимы здесь употребляются и толкуются меньше: «русский литературный язык не перестал развиваться и из собственных своих источников» [Грот 1876в: 18];

«Одним только источником литературной речи мало воспользовался Карамзин — языком народным» [Грот 1876в: 5].

Письменный язык: «Чтобы лучше выяснить идею и цель Словаря Даля, нужным считаю наперед взглянуть на ход развития русского письменного и вообще образованного языка» [Грот 1876в: 1]. Из цитируемого рассуждения следует, что письменный язык — это часть образованного языка. Что еще может быть в составе образованного языка, кроме письменной речи? Можно уверенно допустить, что в состав образованного языка Грот уже включает и устную речь образованного слоя общества.

Письменная речь: «Последователи Ломоносова... обезобразили письменную речь злоупотреблением славянизмов» [Грот 1876в: 3]. Сравните: язык развивается, а речь, как и ее элементы, употребляются.

Книжная речь: «Но свобода заимствований должна иметь свои разумные пределы, особенно должна она ограничиваться уважением к духу родного языка. Даль не без основания упрекает нашу книжную речь в злоупотреблении этою свободой» [Грот 1876в: 17]. Термина *книжный язык* в тексте статьи не обнаруживаем.

Образованный язык: «слабое влияние языка народного на образованный происходит не столько от незнания туземных слов или от трудности приискивать их, сколько от совершенно других, более глубоких причин» [Грот 1876в: 24]; «какое бесчисленное множество собрал он действительно общенародных слов, которых образованный язык до сих пор не знал» [Грот 1876в: 29].

Образованная речь: «Везде язык, по мере своего развития в образованной речи, более и более дает перевес отвлеченному мышлению над наглядной изобразительностью» [Грот 1876в: 16]. См.: язык развивается в речи, т. е. благодаря употреблению. Ср.: «Областные наречия служат к пояснению старинных памятников языка, представляя слова, хранящиеся в этих письменных памятниках, но исчезнувшие из образованной речи» [Грот 1876б: 148].

Теперь продолжим характеристику основных разновидностей языка по статье Грота «Карамзин в истории русского литературного языка» [Грот 1876а]. Здесь на первом месте по употребительности будут термины *литературный язык*, *книжный язык*, *письменный язык* — *письменная речь*; их всего 4. Наименования *народный язык* — *народная речь*, *разговорный язык*, *вседневная речь*; здесь тоже 4 номинации.

Сферой, в которой действовал Карамзин-преобразователь, является *литературный язык* [Грот 1876а: 61]: «Бывают передовые люди во всех отраслях умственной деятельности: они бывают и в развитии не установившегося еще литературного языка» [Грот 1876а: 64]. Термин *литературная речь* отсутствует.

Иной смысл имеет в статье выражение *книжный язык*: «Долго господствовал особый *книжный язык*, который только мало-помалу уступал влиянию *разговорного*» [Грот 1876а: 64]. Здесь отметим противопоставленность двух разных начал: книжного и разговорного. Термин *книжная речь* тоже отсутствует. И вот продолжение характеристики книжного письменного языка: «в исходе 18-го столетия наш *письменный язык* делился как бы на две струи, из которых одна, действительно, более и более ос-

вобождалась от чуждых церковно-славянских элементов, сближаясь с *языком народным*, а другая представляла испорченный ломоносовский язык высокого штиля» [Грот 1876а: 69]. Замечательная мысль о неоднородности письменного языка, о наличии в нем двух разновидностей в зависимости от отношения, с одной стороны, к народному языку, а с другой — к ломоносовским традициям высокого штиля. Выражение *письменная речь* у Грота тождественно выражению *письменный язык*: «Те улучшения в русской *письменной речи*, на которые указывает г. Лавровский как на явления, совершившиеся еще до Карамзина, действительно начались прежде него» [Грот 1876а: 64].

Понятие *письменная речь* противопоставлено понятиям *народная речь* и *народный язык*: «Употребление *письменной речи* подчинено особым законам, которых сознание вырабатывает постепенно. До ее установления, или вернее, до возведения ее на известную степень определенности, происходила у нас борьба между ею и *языком народным*» [Грот 1876а: 64]. Заметим, как подчеркнута противопоставленность *письменной речи* и *народного языка*: *письменная речь* имеет устойчивые и строгие правила употребления. «Уже Ломоносовым собственно русскому, *народному языку* была отведена в литературе некоторая область: ее составлял так называемый низкий или простой слог... Из этих-то тесных границ должны были постепенно идти завоевания *народной речи* в литературе» [Грот 1876а: 65]. Данная цитата особенно показательна как демонстрация синонимичности у Грота терминов *народный язык* — *народная речь*.

И, наконец, разъясняется понятие *разговорный язык*, равное по смыслу выражению *вседневная речь*: «В особенности требовал он (Карамзин — Г. С.) чистоты, ясности, гладкости, простоты, приятности выражения и потому нападал между прочим на дикое для *разговорного языка* частицы: как бы, колико, дабы» [Грот 1876а: 74]; «он принял в руководство не французский или английский синтаксис, а русский *разговорный язык*, развивая и обогащая его по возможности из собственных его начал» [Грот 1876а: 115]; «чуть только оратор, по важности предмета, хочет подняться выше уровня *вседневной речи*, у него является обычная примесь славяно-латинской схоластики» [Грот 1876а: 69].

Оценивая роль Карамзина в истории литературного языка, Грот формулирует различие между литературным языком нации (*общий письменный язык русский*) и *литературной речью Карамзина*: «нас занимает вопрос не столько о ходе развития литературной речи Карамзина, сколько о свойстве ее и влиянии на общий письменный язык русский» [Грот 1876а: 76]. Обращая внимание на термины *литературная речь Карамзина*, подразумевающая язык произведений Карамзина, и *общий письменный язык русский*, что может значить и язык литературы, и деловой язык, и научный стиль. Пожалуй, синонимичными по отношению к выражению *литературная речь Карамзина* являются сочетания *карамзинский язык* и *слог Карамзина*, *речь Карамзина*, см.: «Но мы имеем возможность еще точнее узнать понятия Подшивалова о *слоге*, окончательно развившиеся, очевидно, уже в *школе карамзинского языка*» [Грот 1876а: 81]; «Усвоить себе те новые качества, которые поражали в *речи Карамзина*, было не легко без особенных

свойств его духа, без его многостороннего образования и глубокого знания русского языка» [Грот 1876а: 87].

У Грота мы находим ясно изложенное различие между слогом и языком писателя: «В последней (форме — Г. С.) отличим опять *слог* и *язык*. Согласимся, что *слог*, в тесном смысле, — это характер изложения, это в отношении к речи то же, что походка в движении тела, почерк в письме, физиономия в чертах и выражении лица; *язык писателя* — это общее орудие мысли в распоряжении отдельного лица, орудие, употребляемое каждым с большим или меньшим знанием или умением [Грот 1876а: 99]; «*Слог* не подлежит ни точному определению правилами, ни заимствованию; ему можно более или менее удачно подражать, можно под него подделываться, но он все-таки *остается индивидуальной принадлежностью каждого писателя*» [Грот 1876а: 100]; «*слог Карамзина* был нов по своей пластичности, по богатству образов и живописи выражений, в которых слова явились в новой связи, в новых счастливых сочетаниях» [Грот 1876а: 116].

Суть карамзинского подхода к преобразованию литературного языка изложена Гротом лаконично и точно: «он (Карамзин — Г. С.) попал на справедливую мысль сблизить *русский письменный язык с русским разговорным*, не столько удалившись от *народного*, как первый... когда русская *разговорная речь* оказывалась не довольно обработанною, он советовал и наоборот: *говорить* так, как стал бы *писать* человек с талантом, то есть он старался в подобных случаях так выражаться на письме, чтоб его язык годился и для разговора в образованном обществе» [Грот 1876а: 101–102]. *Русский разговорный язык*, как уточняет Грот, — это не буквальное воспроизведение народного языка, хотя и близкое ему, это нечто обработанное, что годится для разговора в образованном обществе.

Из краткого анализа следуют некоторые выводы:

1) Хотя Я. К. Грот употребляет слова *язык* и *речь* как тождесловы, однако, судя по цитатам, язык для него — это строй языка, а речь — это употребление.

2) Грот различает общеупотребительный язык («весь запас великорусского языка») и его области или сферы (сюда входит и народный язык, и письменная речь).

3) Для характеристики разновидностей языка и речи учитывается несколько их свойств: а) степень распространения (общеупотребительный, народный — литературный); б) сфера распространения (устная речь — письменная речь); в) социальный состав носителей и уровень образованности разных социальных групп (язык славяноманов, французский штиль); г) отношение языка к литературе (литературный язык — живая речь).

4) Одинаково подробно описываются обе основные сферы (области) общеупотребительного языка: литературный язык и народный язык.

Литературный язык (*литературная речь*) состоит из двух элементов:

1) письменный язык (письменная речь), имеющая особые законы и правила; сюда включается книжный язык (книжная речь), но им не ограничивается письменный язык; 2) образованный язык (образованная речь), т. е. речь образованного общества: письменная и устная. Чрезвычайно важно

признание устной речи образованного общества составной частью литературного языка.

Народный язык (народная речь) — разговорная разновидность общенародного языка, существующая в устной форме («устная речь»), предназначенная для повседневного общения («вседневная речь») и имеющая территориальные различия. В известной части (в речи образованных людей) этот язык может быть очищен, обработан и соприкасаться с литературной речью.

5) Грот делает попытку отличить язык писателя («общее орудие мысли в распоряжении отдельного лица») и слог как индивидуальную принадлежность писателя («слог Карамзина», «карамзинский слог»).

6) Опираясь на лексикографическую практику эпохи, ученый впервые выделил в составе лексики три группы слов: слова областные, слова народные, слова общеупотребительные.

Я. К. Грот — теоретик языка. Такая квалификация его таланта справедлива, и другие доказательства этого ждут своего исследователя

Литература

Булахов М. Г. Восточнославянские языковеды: Биобиблиографический словарь. Т. 1. Минск, 1976. С. 85–89.

Виноградов В. В. История лингвистических учений. М., 1978.

Грот Я. К. Карамзин в истории русского литературного языка // Филологические разыскания Я. Грота. Второе, значительно пополненное издание. Т. I. Материалы для словаря, грамматики и истории русского языка. СПб., 1876а. С. 61–116.

Грот Я. К. Областные словари // Филологические разыскания Я. Грота. Второе, значительно пополненное издание. Т. I. Материалы для словаря, грамматики и истории русского языка. СПб., 1876б. С. 132–150.

Грот Я. К. Толковый словарь живого великорусского языка, В. И. Даля // Филологические разыскания Я. Грота. Второе, значительно пополненное издание. Т. I. Материалы для словаря, грамматики и истории русского языка. СПб., 1876в. С. 1–60.

Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М., 1978 (репринт изд. 1880–1884).

Звегинцев В. А. История языкознания XIX–XX веков в очерках и извлечениях. Ч. 1. М., 1964.

Срезневский И. И. Мысли об истории русского языка. М., 1959.

Хрестоматия по истории русского языкознания / Сост. Ф. М. Березин. М., 1973.